

ТОЛКОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЗНАКОВ *БОГ* И *BÓG* В ТЕЗАУРУСНОМ СЛОВАРЕ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ПАРЕМИЙ

А.К.Погребняк

THE MEANING OF CULTURAL SIGNS *БОГ* AND *BÓG* IN THE THESAURUS' DICTIONARY OF RUSSIAN-POLISH PAROEMIES

A.K.Pogrebnyak

Институт филологии и языковой коммуникации СФУ, Красноярск, pogrebnyak.n@mail.ru

В статье применяется метод тезаурусного описания русских и польских паремий с ключевыми словами *Бог* и *Bóg*. На основе их регулярных синтаксических связей выделяются релевантные признаки культурных знаков *Бог* и *Bóg* и формулируются толкования для русско-польского словаря паремий.

Ключевые слова: *паремиология, русско-польский словарь-тезаурус, ключевое слово, культурный знак «Бог», культурный знак «Bóg»*

The paper observes the method of thesaurus description of Russian and Polish paroemias with "God" (*Бог* - in Russian and *Bóg* - in Polish) as a key component. On the basis of their regular syntactic functions the author indicates relevant signifiers for culture signs *Бог* and *Bóg* and states their definitions for the Russian-Polish dictionary of paroemias.

Keywords: *paremiology, Russian-Polish dictionary and thesaurus, key word „God”, cultural sign „Бог”, cultural sign „Bóg”*

Современная лингвофольклористика активно развивается в направлении создания словарей языка фольклора. Первыми значительными изданиями стали этнолингвистические словари «Славянские древности» и “Słownik stereotypów i symboli ludowych” проф. Ежи Бартминьского, на объемном фольклорном и этнографическом материале реконструирующие традиционную духовную культуру славянских народов. Одновременно разрабатывается идея создания собственно лингвистических словарей на материале одного фольклорного жанра. Таким, пожалуй, первым словарем стал «Словарь языка русского фольклора: Лексика былин» М.А.Бобуновой и А.Т.Хроленко (2006 г.). Отдельные слова на материале фольклорных профессиональных текстов описаны в работах С.Е.Никитиной и Е.Ю.Кукушкиной [1, 2].

В качестве наиболее эффективного способа представления фольклорной картины мира избирается тезаурусное описание, показывающее «семантическое поле слово и характер связи с единицами этого поля» [3]. С помощью данной методики описаны ключевые слова былин, духовных стихов, свадебных и похоронных причитаний.

Накоплен значительный опыт анализа ключевых слов, или культурных концептов, в паремийных текстах на материале одного, двух или трех языков (см., напр., [4, 5, 6, 7, 8]). Обобщающий результат этих отдельных описаний паремийных слов видится в создании паремийного словаря с примерами из разных языков, построение заглавных статей которого сведены к единой тезаурусной схеме. В таком словаре будет представлена семантическая структура паремий, так как тезаурусные функции, описывающие ключевое слово, «одновременно указывают на регулярные отношения, строящие текст» [9].

Словарная статья начинается с заглавного слова и его дефиниции. Предметом нашего рассмотрения являются ключевые слова *Бог* и *Bóg*, которые обозначают универсальный религиозный концепт, содержащийся в 1253 русских и 1490 польских паремийных текстах. Данный концепт в паремиях с разной степенью глубины характеризует «вечные» ценности: бытийные, утилитарные, этические, познавательные, религиозные, социальные.

Встает вопрос: каким должно быть толкование ключевого слова в словаре паремий — аналогичное дефиниции в толковом словаре (тогда возникает другой вопрос: толкование из какого словаря предпочтительнее брать) или специфическое, обусловленное анализируемыми текстами.

Мы рассматриваем паремию как жанр традиционной народной культуры, язык которой отличается от естественного языка: «Языковые единицы (слова) в контексте культуры часто обладают, помимо общеязыковых значений, еще и особой, подчас очень богатой культурной семантикой, которая редко и лишь случайно фиксируется словарями» [10]. Как показывают сопоставления толкований некоторых слов и культурных знаков, проведенных С.М.Толстой [11], лексикографические толкования, в отличие от толкований культурного знака, отмечают в качестве релевантных иные признаки реального объекта. Следует отметить, что эти признаки у слова *Бог* внутри лексикографической традиции не оставались неизменными на протяжении XVIII—XXI веков, а в период советской эпохи были идеологически предвзятыми.

Формулируя дефиниции культурных знаков *Бог* и *Bóg* в контексте паремий, мы учитываем синтаксические связи, которые культурные знаки образуют с другими компонентами паремийного текста. На основе

регулярных связей выделяем релевантные признаки, составляющие толкование культурных знаков *Бог* и *Bóg*. Таким образом, полагаем, что толкование ключевых слов в словаре паремий охарактеризует план выражения (образный план) рассматриваемых текстов.

В русских и польских паремиях слова *Бог* и *Bóg* преимущественно выступают в роли субъектов действия, поэтому представляется логичным включить в их толкования типичные действия или функции.

В обеих культурах в более 150 контекстах *Бог* / *Bóg* выступает в функции **дарителя**, наделяющего всяческими благами: *Бог даст день, даст и пищу; Кто добро творит, тому (того) Бог оплатит; Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje — Кто рано встает, тому Бог даём; Kto swych rodziców poważa, tego Bóg szczęściem obdarza — Кто своих родителей почитает, того Бог счастьем наделяет*. Такое представление соотносится с этимологией слова, заимствованного из иранского языка или подвергнувшегося его влиянию: праиранское **baga-*, соответствующее славянскому **bogъ*, является производным от глагольного корня **bag-* : **baj-* со значением 'наделять, распределять; выделять в качестве доли; дарить' [12].

Значительную группу составляют действия и состояния Бога положительной семантики, направленные на человека или связанные с ним. Однако их соотношение в языковом и количественном выражении различается в русских и польских паремиях.

Обе традиции отмечают **охранительную функцию** Бога: *Мана манит, да Бог хранит; Страшен сон (черт), да милостив Бог; Od procesów, długów i złej żony zachowaj nas, Boże; Śmiałych sam Bóg ratuje — Смелых сам Бог спасает; Kim Bóg się opiekuje, ten głodu nie czuje — Кого Бог хранит, тот голода не испытывает*.

Функция защиты в польском языке лексически разнообразней представлена, как и **функция помощи**: *Kto szanuje święta boże, temu Pan Bóg dopomoże — Кто почитает Божий мир, тому Бог поможет; Kому Pan Bóg sprzyja, temu się i na kamieniu rozzi — Кому Бог содействует, тому и на камне родит*.

В целом в русских паремиях в характеристике положительных действий и свойств Бога наблюдается сочетание лексического однообразия с многозначностью. Так, в значении «**испытывать любовь, проявляющуюся обычно в добром, благосклонном отношении и желании делать добро**» в русских паремиях употребляются глаголы *любить* и *полюбить*, а в польских паремиях — четыре глагола (*miłować, lubić, kochać, polubić*), три прилагательных (*dobry, dobrotliwy, miły*) и предикативная конструкция (*mieć dobro oko*): *Любящих и Бог любит; Kto kocha bliźniego szczypta, tego Bóg całą ręką — Кто любит ближнего немного, того Бог — всей рукой; Kogo Pan Bóg miłuje, tego nawiedza — Кого Бог любит, того находит*.

Любовь Бога может проявляться в негативных событиях, что соответствует христианской концепции очищения от греха через страдание: *Кого Бог любит, того и наказывает; Кого Господь полюбит, нищетою взыщет; Kogo Pan Bóg miłuje, temu i złe*

podaruje — Кого Бог любит, тому и плохое дарует; Kogo Pan Bóg kocha, temu krzyżyki zsyła — Кого Бог любит, тому страдания насылает.

В русских паремиях, судя по всему, большей значимостью, чем чувство любви, обладает **снихождительное, жалостливое отношение** Бога к человеку. Оно выражено словами с корневой морфемой *мл-* (прилагательными *милостив, милосерд*, предикативными конструкциями *с милостью, не без милости*), которые обычно сопровождаются кванторами *много, велик, богат*: *Велик Бог русский и милосерд до нас; Бог не без милости, казак не без счастья; Мы с печалью, а Бог с милостью*. Аналогичный смысл содержится в некоторых польских паремиях, но милость польского Бога не безгранична, абсолютно не бескорытна и уравнивается объективной и беспристрастной справедливостью: *Bóg łaskaw, a świat szeroki — Бог милостив, а мир широк; W jednej ręce ma Bóg łaskę, w drugiej sprawiedliwość — В одной руке Бог имеет милость, в другой справедливость; Bądź miłosierny drugiemu, mój bracie, Bóg miłosierny to będzie i na cię — Будь милосердным к другому, мой брат, Бог будет милосердным и к тебе*.

На сострадание, жалостливость русского Бога указывает **функция прощения вины**, которая в польских паремиях выражена в значительно меньшем количестве контекстов: *Карать да миловать — Богу и царю; Виноватого Бог простит (помилует), а правого царь пожалует; Więcej Bóg może odpuścić, niż człowiek dopuścić — Больше Бог может простить, чем человек допустить — Bóg wiele przebacza, ludzie nigdy — Бог простит много, люди — никогда*.

Реже, чем образ доброго, снисходительного Бога, в паремийных текстах представлен **образ карателя**, и в русских паремиях карательная функция отличается лексической разработанностью: *Кого Бог накажет, тот сам помрет, а другого любя прибежит; Не сам Бог карает, но плутиц насылает; Pan Bóg za złe karze, za dobre nagradza — Бог за зло карает, за добро награждает; I diabeł ustąpi, kiedy Bóg ma kogo skarać — И черт уступит, когда Бог наказывает*.

Примерно в одинаковом соотношении представлены в обеих традициях **волютативная и познавательная функции Бога**. По воле Бога происходят невероятные события: *Бог — что захочет, человек — что сможет; Вольно Богу и рога приставить; Gdy Bóg zechce, to i siekiera pod ławą zapieje — Если Бог захочет, то и топор под лавкой запищит; Kому Bóg chce dobrze, suka mu prosięta urodzi — Кому Бог хочет добра, у того собака поросят рождает*.

Мыслительная функция выражена в русских и польских паремиях глаголами ментального и зрительного восприятия. На семантическом уровне они обозначают ситуации незнания, невладения информацией: *Бог его знает, Богу ведомо / Bóg wie, Bóg raczy wiedzieć* «никто не знает». В плане выражения паремии представляют Бога носителем истинного знания, которое позволяет ему быть справедливым и воздавать каждому по его делам: *Бог видит, кто кого обидит; Widzi Pan Bóg z góry, jak tu żyje który — Видит Бог с горы, кто как живёт*.

В характеристике польского Бога выделяется **функция создателя**: *Jak Pan Bóg mularzy stworzył, to trzy dni płakał — Как Бог погонщиков мулов сотворил, то три дня плакал; Wilk nie winien temu, że Pan Bóg stworzył go wielkim — Волк повинен в том, что Бог создал его большим*. В русских паремиях созидательная функция Бога выражена значительно реже, характеризуя устройство мира и иронично описывая некоторые житейские ситуации: *Из ничего один только Бог свет создал; Бог создал Адама, а черт — молдавана; Бог сотворил два зла: бабу и козла*.

Итак, сформулируем толкования ключевого слова *Бог* в русских паремиях и ключевого слова *Bóg* в польских паремиях.

Бог — «в русских паремиях выступает в роли дарителя разных благ, обладает безграничным милосердием и состраданием и прощает вину; Бог защищает, оберегает и помогает человеку. Ему свойственна карательная функция. В основном она характеризует Бога как справедливого и беспристрастного. Бог обладает истинным знанием. Его Воля непредсказуема».

Bóg — «в польских паремиях выступает в роли дарителя разных благ; Он защищает, оберегает, помогает человеку и совершает другие добрые дела. Бог — создатель мира и всего живого. Бог милосерден, но и справедлив. Наделен карательной и познавательной функциями. По воле Бога происходят невероятные события».

Как видим, при общей близости наборов релевантных признаков у ключевого слова *Бог* в русских паремиях и ключевого слова *Bóg* в польских паремиях их состав и иерархия различаются: русского Бога отличает свойство безграничного милосердия и функция прощения, а польского Бога — свойство доброты и функция создателя.

Статья написана при поддержке Гранта Европейского Союза Erasmus Mundus Action 2.

1. Никитина С.Е. Кукушкина Е.Ю. ДОМ в свадебных причитаниях и духовных стихах. Опыт тезаурусного описания. М., 2000. 215 с.
2. Никитина С.Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М., 2009. 353 с.
3. Кукушкина Е.Ю., Никитина С.Е. Еще раз об описании слова в тезаурусе: фольклорный «батюшка» // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001. С. 50.
4. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград, 2003. 164 с.
5. Русол А.А. Представление русских и испанцев о жизни и смерти на материале пословиц и поговорок // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 41-49.
6. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д, 2002. 239 с.

7. Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения. Псков, 2008. 238 с.
8. Погребняк А.К. Русские и польские представления о Боге (на материале паремий) // Славянская филология: история и современность: Материалы международной конф. Барнаул, 2004. С. 109-114.
9. Никитина С.Е. Кукушкина Е.Ю. Там же. С. 54.
10. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010. С. 9.
11. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. 528 с.
12. Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М., 2002. С. 157-159.

References

1. Nikitina S.Ye. Kukushkina Ye.Yu. DOM v svadebnyh prichitanijah i duhovnyh stihah. Opyt tezaurnogo opisaniya [The HOUSE in wedding lamentations and spiritual verses. The experience of thesaurus description]. Moscow, Nauka publ., 2000. 215 p.
2. Nikitina S.Ye. Chelovek i socium v narodnyh konfessionalnyh tekstah (leksikograficheskij aspekt). [The human and society in folk confessional texts (lexicographical aspect)]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 353 p.
3. Kukushkina Ye.Yu. Nikitina S.Ye. Eshhe raz ob opisani slova v tezauruse: folklornyj „batjushka” [Once again about description of a word in the thesaurus: the folk word “batyushka”]. Scripta linguisticae applicatae. Problemy prikladnoi lingvistiki. Moscow, Nauka Publ., 2001. P.50.
4. Vorkachev S.G. Sopostavitel'naja jetnosemantika teleonomnyh konceptov „ljubov” i „schast'e” (russko-anglijskie paralleli). [The comparative ethnosemantics of teleonomic concepts “love” and “happiness” (Russian-English parallels)]. Volgograd, Nauka publ., 2003. 164 p.
5. Rusol A.A. Predstavlenie russkih i ispancev o zhizni i smerti na materiale poslovic i pogovorok [The mental representation of Russian and Spanish people about life and death on the basis of proverbs and sayings]. Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkulturaia kommunikacia. 2001, no 2, pp. 41-49.
6. Savenkova L.B. Russkaja paremiologija: semanticheskij i lingvokulturologicheskij aspekt [Russian Paremiology: semantic and linguistic-cultural aspects]. Rostov-on-Don, Nauka Publ., 2002. 239 p.
7. Russkie paremi: novye formy, novye smysly, novye aspekty izuchenija. [Russian paroemias: new forms, new meanings, new aspects of studying]. Pskov, Nauka publ., 2002. 238 p.
8. Pogrebnyak A.K. Russkie i polskie predstavlenija o Boge (na materiale paremij) [Russian and Polish mental representations about God based on paroemias]. Slavianskaia filologia: istoria i sovremennost [The Slavic philology: then and now]: Int. conf. proc., Barnaul, 2004, pp.109-114.
9. Nikitina S.Ye. Kukushkina Ye.Yu. Ibid., p. 54.
10. Tolstaya S.M. Semanticheskie kategorii jazyka kultury [Semantic categories of language of culture]. Oчерки po slavjanskoj jetnolingvistike [Essays about Slavic ethnolinguistics]. Moscow, Nauka publ., 2010, p. 9.
11. Tolstaya S.M. Prostranstvo slova [The space of the word]. Leksicheskaja semantika v obshheslavjanskoj perspektive [Lexical semantics in common Slavic perspective]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 528 p.
12. Edelman D.I. Iranskie i slavjanskije jazyki: Istoricheskie otnoshenija [Iranian and Slavic languages. Historical relations]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 157-159.